

Герасимова Наталья Ивановна

**КУЛЬТУРОСОЗИДАТЕЛЬНАЯ РОЛЬ РЕЛИГИИ
В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЧУВАШСКОГО ЭТНОСА**

Специальность 24.00.01 - теория и история культуры

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата культурологии

Работа выполнена на кафедре культурологии
Вятского государственного гуманитарного университета

Научные руководители: доктор философских наук Акопян К.З.,
доктор филологических наук,
профессор Осипова Н.О.

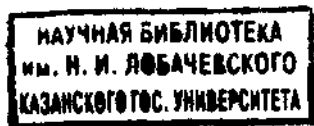
Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор Петров Н.П.,
кандидат культурологии,
доцент Гмызина Э.В.

Ведущая организация:
Московский педагогический государственный университет

Защита состоится 13 ноября 2003 г. в 14.00. на заседании
диссертационного совета К 212.041.02 при Вятском государственном
гуманитарном университете по адресу: 610002, г. Киров, ул. Ленина, 111, ауд.202 *202*

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Вятского
государственного гуманитарного университета

Автореферат разослан 13 октября 2003 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

A handwritten signature in dark ink, appearing to be "Н.И. Поспелова".

Н.И. Пospelова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

АКТУАЛЬНОСТЬ ТЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. 90-е годы XX в. для отечественной истории и культуры являются, безусловно, знаковыми. В связи с политическими переменами произошли крупные сдвиги в общественном сознании народов, составлявших прежде, казалось, неделимый монолит, получивший официальное Наименование "советский народ". Эти сдвиги оказали решающее воздействие на социокультурные процессы, протекавшие внутри составляющих его этнических единиц. Результатом таких процессов следует признать всплеск роста национального самосознания, последствия которого не поддаются однозначной оценке. Все сказанное в полной мере можно отнести к чувашскому этносу. И хотя уровень политической активности в бывшей тогда ЧАССР был гораздо более низким, чем даже во многих соседних национальных образованиях, например, в Татарии или Башкирии, тем не менее и среди чувашской интеллигенции накал полемических страстей вокруг прошлого и будущего нации, ее генезиса и места в современном мировом социокультурном пространстве был достаточно сильным. В этот период объективно-научный анализ указанных проблем уступил место эмоциональному, не требующему каких-либо особых доказательств. Иными словами, это было время, когда сфера сугубо научных изысканий ученых стала предметом внимания практически всех, в ком было сильно национальное чувство. Сверхавшиеся в стране перемены способствовали росту национальных амбиций и возникновению утопических проектов. Такая тенденция спровоцировала целую волну публикаций, выходивших не только в виде заметок в периодической печати, но и в виде отдельных монографий и брошюр.

Теперь же, с прошествием времени, когда утопические идеи потеряли для многих свою привлекательность, оставаясь лишь уделом романтиков-одиночек, на первое место вновь выдвигается необходимость поиска опирающейся на факты, научно выверенной характеристики- возникающих в культуре явлений, что, безусловно, требует и ответа на вопрос о специфике ее генезиса. В настоящее время служились благоприятные условия для того, чтобы объективная оценка процессов формирования чувашской культуры и факторов, повлиявших на ее становление, стала не просто актуальной, но и возможной.

Существует достаточно обширная литература, глубоко и полно освещающая отдельные стороны чувашской культуры. Специфика исследований в этом направлении заключается в том, что с момента проявления интереса к ней и по настоящее время происходит, по преимуществу, накопление фактического материала, объем которого достаточен для того, чтобы можно было делать определенные выводы обобщающего характера с одновременным использованием данных различных частных дисциплин.

Сама логика развития науки требует поэтому нового подхода к изучению места чувашей в истории ойкумены, который можно было бы назвать философско-культурологическим, а его доминирующим принципом стало бы использование и обобщение данных, собранных трудами историков, антропологов, этнографов, археологов, лингвистов, социологов и т. д. Именно поэтому насущной становится задача систематизации существующего материала и рассмотрение его под общим углом зрения с целью выявления такого фактора. Происходящие в современном социуме процессы, связанные с ростом национального самосознания, требуют взвешенного и базирующегося на тщательном научном анализе подхода к проблеме генезиса культуры.

Обсуждение этой проблемы неизбежно влечет за собой и полемику относительно будущего чувашской культуры, поскольку лишь преемственность способна обеспечить ее жизнеспособность. В этой связи обращает на себя внимание интерес многих авторов к дохристианским верованиям чувашей как на подобного рода фактор, из чего вытекает необходимость анализа степени оправданности таких упований. Основными аргументами авторов подобных высказываний - В.П. Никитина, А.К. Салмина, А.П. Хузангая и др. -- являются утверждения о том, что православие, в противовес традиционным верованиям являясь элементом искусственно насаждаемым, а потому неорганичным, не затронуло глубинных пластов народного сознания, что среди чувашей языческое население, воспринимающее православие как "чужую" русскую веру, достаточно многочисленно, что ситуация выбора между православием и исламом осталась в прошлом и в современных социально-экономических и политических условиях потеряла свою актуальность, что, наконец, сам комплекс дохристианских верований носит монотеистический характер, из чего названными исследователями делается вывод об отсутствии необходимости перехода к другим, "чужим", согласно их определению, монотеистическим религиям. История чувашской культуры показывает, что дело обстоит иначе, доказательством чему и призвано служить настоящее диссертационное исследование. Появление же подобного рода аргументаций говорит, во-первых, о теоретической неразработанности проблем, связанных с генезисом чувашской культуры и определением роли религии в этом процессе, а во-вторых, о насущной необходимости подобного рода исследований.

Степень разработанности проблемы. Вопрос о религии как факторе, играющем важнейшую культуросозидательную роль, современными отечественными культурологами в большинстве случаев освещается недостаточно глубоко, причина чего коренится в идеологических установках

советского времени, которые, к сожалению, унаследовала современная отечественная наука.

В чувашеведении вопрос о религии как о культуuroобразующем элементе практически не ставился. Те публикации современных исследователей, которые появились и еще время от времени появляются на волне националистических настроений; в большинстве своем носят скорее публицистический характер. Авторы этих работ указывают на необходимость возврата к дохристианским верованиям чувашей как источнику, способному напитать живительным соком слабеющее тело национальной культуры, не подкрепляя выдвигаемые положения научной аргументацией. Очерчивая круг наиболее актуальных проблем, автор ни в коей мере не увязывает отмеченный факт с недостаточной развитостью национальной науки. Напротив, отдельные отрасли чувашеведения, и в первую очередь лингвистика, по сбору и систематизации научных данных достигли больших успехов и в чем-то опередили другие научные направления, также входящие в круг исследований подобного рода. Практически все исследователи, работавшие в одной из сфер чувашеведения, уделяли внимание их религиозным верованиям. В этом отношении особую ценность представляет небольшая по объему, но весьма ценная по содержанию работа К. Мильковича "О чувашах: этнографический очерк писателя конца XVIII в.", являющаяся наиболее ранним, а потому весьма ценным описанием чувашских верований, их религиозного строя и обрядов. Сюда же следует причислить работу В.К. Магницкого "Материалы к изучению старой чувашской веры" (Казань, 1881), "Из чувашских преданий и верований" А.В. Рекеева (Казань, 1896 - 1897), Дюла Месароша "Памятники старой чувашской веры" (Будапешт, 1906) и др. Однако эти работы имеют прежде всего описательный характер, поскольку их целью являлись сбор и фиксация материала, а также попытки реконструкции чувашского пантеона и стремление отделить собственно чувашский пласт от адстрата.

В работах современных исследователей П.В. Денисова, А.К. Салмина, В.П. Никитина и др. мы также не найдем сущностной характеристики чувашских дохристианских верований. В этом, по всей вероятности, сказывается восприятие религиозной сферы не как источника сущностных характеристик исследуемого социокультурного явления, но лишь как одной из форм общественного сознания, возникшей на определенной ступени развития человеческой культуры, или как артефакта. По этой причине попытки опереться на комплекс дохристианских верований чувашей как на фактор, способный стать фундаментом его развития согласно тому, что предлагает, к примеру, А.К. Салмин, не могут стать таковыми. По замечанию С. Филатова и А. Шипкова, проводивших исследование в Урало-Поволжье, из всех нерусских народностей исследуемого региона именно чувашами православие усвоено наиболее основательно, причем настолько, что в период гонений многие из них отдали свою жизнь, отстаивая свою православную веру. Думается, поэтому, что ряд авторов вполне сознательно уделял и уделяет достаточное внимание особенностям проникновения христианства в чувашскую культуру. Немалое

место изучению этого вопроса отводилось в дореволюционной этнографии, что вполне естественно, поскольку вопрос об усвоении чувашами православия имел не только теоретическую, но и прикладную значимость, так как миссионерская работа среди инородцев была в самом разгаре. Материалы, как правило, выходили в центральных и губернских периодических изданиях, а затем публиковались отдельным оттиском. Немалая часть таких публикаций отводилась материалам, посвященным полемике вокруг эффективности системы Н.И. Ильминского, построенным по принципу контраста результатов миссионерской работы до и после официального признания системы просветителя. Именно по такому принципу, в частности, построена работа П. Мике, предлагаемая в качестве приложения к настоящей диссертации. Тем не менее уже в то время стали появляться и целые исследования по указанному вопросу с привлечением богатого исторического материала, отражающие особенности проповеди христианства в течение довольно продолжительных отрезков времени. К таким, в частности, можно отнести выпущенную отдельным изданием речь Е. Малова о новокрещенской конторе (Казань, 1878), очерк М. Машанова "Обзор деятельности братства святителя Гурия за 25 лет его существования (1867 - 1892)" (Казань, 1892) и некоторые другие.

Наиболее ценным в этом отношении следует признать труд Н.В. Никольского "Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI - XVIII веках" (Казань, 1912).

Своего рода тематическим продолжением вышеназванного исследования, хотя и с оговорками, можно признать книгу Л.А. Таймасова "Христианизация чувашского народа в первой половине XIX в. (Чебоксары, 1992). Книга дает безусловно ценный и богатый материал, который позволяет охарактеризовать исследуемый ученым исторический отрезок как своего рода закономерный переход к системе Н.И. Ильминского.

Исследователями не была обойдена и проблема степени и характера влияния ислама на чувашей. Итогом исследований в этом направлении следует признать принятие авторами, как писавшими в XIX в., так и современными, факта возникновения тенденции к потере большинством исламизировавшихся чувашей национальной идентичности. Отмеченная позиция разделяется автором настоящего диссертационного исследования, хотя и требует пояснений, поскольку не дает ответа на вопрос о внутрикультурных причинах и характере возникшей тенденции.

Материалом для нашего исследования послужили уже названные работы первых бытописателей, а также изыскания современных чувашеведов в различных областях национальной культуры, в том числе истории, археологии, антропологии, этнографии, искусствоведения, лингвистики, литературоведения и пр. Ценным источником для сбора фактического материала стали периодические издания. Прежде всего следует указать на "Известия по казанской епархии", "Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете", "Ученые записки Чувашского государственного института гуманитарных наук" и др.

Цель настоящего исследования - показать, что христианство стало тем мощным импульсом, благодаря которому чувашская культура сумела преодолеть состояние кризиса, возникшее в результате стремления ее сохранить самобытность посредством консервации своей этнорелигии как системообразующей основы и способствовавшее формированию нового типа ментальности, основанного на православном миропонимании.

; Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

1. Дать аргументированное обоснование положения о гетерогенности чувашского этноса.
2. Выявить причины, благодаря которым за религиозным фактором в отношении чувашского этноса следует признать культуросозидательную функцию.
3. Обозначить хронологические рамки зарождения чувашского этноса и становления его как сформировавшейся социокультурной системы.
4. Определить роль язычества, ислама и православия в процессе зарождения и становления чувашского этноса как социокультурной системы.
5. Указать на те основания, благодаря которым можно говорить о чувашской культуре как о сформировавшейся системе.
6. Обосновать культуросозидательное значение деятельности первого (яковлевского) поколения чувашской интеллигенции.
7. Проанализировать перспективы развития чувашской культуры, принимая во внимание секуляризацию национальной элиты.

В то же время в настоящей работе мы не будем касаться теоретической стороны вопроса о генезисе культуры, поскольку в силу исключительной сложности он требует специального исследования общепаналитического характера. Автором не ставится также задача проведения сопоставительного анализа с привлечением материала иных этнокультурных целостностей, поскольку этого не позволяет сделать объем диссертации. Исключение составляет сопоставительная характеристика восприятия православия русской и чувашской культурой. Кроме того, мы не будем рассматривать влияния на ход развития чувашской культуры социальных и геополитических факторов, поскольку указанный аспект достаточно полно и всесторонне освещен в современном чувашеведении.

Объектом исследования является чувашская культура во всей ее полноте и многообразии проявлений, в ее развитии от истоков до времени формирования как достигшего зрелости самостоятельного феномена, осознающего себя таковым.

Предмет исследования - влияние религиозного фактора на этно- и культурогенез чувашей, начиная с момента их возникновения как этноса до начала XX в. Выбор именно такого хронологического отрезка обусловлен тем, что в течение этого периода чувашская культура приняла свои законченные формы, выделившись в самостоятельную целостность, развиваясь и усложняясь, о чем говорит появление национальной идеи. Однако естественный ход ее роста был прерван революционными событиями в России.

Можно сказать, что с этого момента вторжение внешних сил нарушило естественную логику ее саморазвития. Поэтому характеристика новейшего периода истории чувашской культуры требует отдельного изучения.

Научная новизна работы заключается в том, что в диссертации предпринята попытка осуществления комплексного подхода в изучении чувашской культуры с привлечением максимально возможного количества наработок специалистов в различных отраслях чувашеведения, что дало возможность автору *рассматривать в качестве этно- и культуuroобразующего фактора религиозный*.

В соответствии с выявленной особенностью, предлагается авторский вариант *периодизации истории формирования чувашской этнокультурной системы*, а также:

- дается характеристика комплекса традиционных (дохристианских) верований чувашей как своеобразного результата универсального мифологического процесса, важнейшей функцией которого была этнообразующая;

- анализируются важнейшие внутрикультурные и внешние причины, объясняющие благотворное влияние православия на процесс дальнейшего становления чувашской культуры;

- приводится краткий сопоставительный анализ восприятия православия русской и чувашской культурой;

- характеризуются онтологические трансформации, позволяющие говорить о чувашской культуре периода зрелости как культуре православной;

- приводятся аргументы, обосновывающие и оправдывающие возникновение национальной идеи и органичности ее появления для складывавшегося в XIX в. нового типа национальной ментальности;

- дается анализ генетических особенностей чувашской интеллигенции как социокультурного феномена.

Теоретико-методологической базой настоящей диссертации послужили положения классической и современной культурологии и философии, определяющие историю, а значит, и культурогенез как процесс, имеющий метафизическую природу. Из исследователей, чьи размышления стали основанием указанных положений и в той или иной степени повлияли на формирование авторской концепции, а также послужили методологическим основанием в разработке отдельных аспектов проблемы, поставленной в настоящей диссертации, можно назвать С.С. Аверинцева, К.З. Акопьяна, А.К. Байбурина, М.М. Бахтина, Н.А. Бердяева, В.В. Бычкова, М. Вебера, Л.П. Карсавина, Д.С. Лихачева, В.С. Соловьева, А.Д. Тойнби, Г.В. Флоровского, И. Экономцева и др.

Объект исследования, а также поставленные задачи предопределили использование следующих **методов**:

1. Сравнительно-типологического - для выявления общих закономерностей путем сопоставления данных, собираемых исследователями в различных областях чувашеведения, а также определения характера процессов,

протекавших в чувашской культуре в течение исследуемого отрезка времени (синхронический и диахронический подход).

2. Феноменологического - для выявления сущностных особенностей чувашской культуры и отдельных ее компонентов.

3. Системного - для выявления особенностей функционирования этнокультурной целостности чувашей как феномена.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Религия является культуuroобразующим фактором, лежащим в основе чувашского этноса и определяющим протекавшие в нем процессы - в рамках рассматриваемого периода - на всем протяжении истории его существования.

2. "Этнорелигия, ислам и православие оказали существенное, но разнохарактерное и неравнозначное влияние на общее состояние" культуры чувашей.

3. Именно православие осуществило функцию выведения чувашской культуры из кризиса и завершения построения социокультурной системы этноса, что зримо проявилось в формировании нового типа ментальное™, базирующегося на православном миропонимании.

Теоретическая значимость работы заключается в философско-культурологическом подходе к анализу накопленного материала, благодаря которому в современное чувашеведение вводится нетрадиционная гипотеза о религиозном начале как факторе, обусловившем протекание историко-культурного процесса в рамках этноса.

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы при подготовке специальных курсов и составлении учебных пособий по теории и истории чувашской культуры, а также по истории культуры народов, населяющих Россию, и религиозных процессов, имевших место на ее территории.

Апробация работы. Основные положения диссертации автором изложены на международных конференциях "И.Я. Яковлев и духовный мир современного многонационального общества" (Чебоксары, 1998), "Революция в художественном сознании начала XX века и поэзия Михаила Сеспея" (Чебоксары, 1999 г.); постоянно действующей всероссийской междисциплинарной научной конференции "5-е Вавиловские чтения: мировое сообщество и Россия на путях модернизации" (Йошкар-Ола, 2001 г.); межрегиональной научной конференции "Альтернативы отечественной тюркологии: ученый идеолог-обруситель или просвещенный инородец? [к 180-летию со дня рождения Н.И. Ильминского и 140-летию Н.Ф. Катанова]" (Чебоксары, 2002); региональной научно-практической конференции "Деятельность и наследие Н.В. Никольского", посвященной 125-летию со дня рождения выдающегося ученого, педагога и общественного деятеля (Чебоксары, 2003);

СТРУКТУРА РАБОТЫ

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, включающего 201 наименование, примечаний и двух приложений. Общий объем диссертации _____ страниц.

СОДЕРЖАНИЕ И ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Во **введении** обосновывается актуальность избранной темы и степень ее изученности в научной литературе о чувашах, прежде всего этнографической, излагаются методологические основания исследования, а также уточняется позиция автора относительно используемых в диссертации и являющихся для него базовыми культурологических понятий, определяется объект и предмет исследования, формулируются его цель и задачи, указывается новизна, теоретическая и практическая значимость работы, излагаются положения, выносимые на защиту.

Первая глава настоящей работы - **"Проблема происхождения чувашей: этногенетический аспект"** - посвящена рассмотрению характера полемики вокруг вопроса о происхождении этноса, анализу причин ее неразрешенности в современной литературе о чувашах. Рассмотрение вопроса о происхождении народа является исходным пунктом для выяснения истоков его культуры. С ним непосредственно связана и другой вопрос - об установлении приблизительных хронологических рамок его возникновения, поэтому указанной проблеме в данной главе также уделяется особое внимание.

В первом разделе - *"Некоторые аспекты проблемы происхождения чувашского этноса"* - автора настоящей работы занимает не столько сам факт его генезиса как таковой, сколько, поиск того фактора, который помог синтезировать самостоятельные элементы в единую этнокультурную целостность.

Имеющиеся в настоящее время исторические и археологические свидетельства не дают ответа на этот вопрос. Подавляющее большинство исследователей видит свою задачу в поиске этнического предка, от которого можно было бы вести "родословную" чувашей как этноса.

Если исключить теории, подобные хазарской и славянской в силу их недоказуемости, а также гипотезы, которые мы бы отнесли к числу нетрадиционных, поскольку их целью являются поиски следов прачувашей в древних культурах, идеологической же почвой - периоды роста национального самосознания (в их число можно было бы включить шумерскую гипотезу), то практически вся полемика в первую очередь сводится к вопросу о том, какой

компонент, как безусловно участвовавший в этногенетическом процессе, считать первичным - тюркский или финно-угорский.

Рост количества гипотез, предлагающих свое толкование проблемы этногенеза чувашей, служит показателем неудовлетворенности ученых уже существующими предположениями. Следовательно* при решении проблемы этногенеза речь должна идти о смене принципа в подходе к ее изучению. Таким образом, невозможность признания в качестве этнического субстрата чувашей какого-либо одного компонента, с одной стороны, и тенденция одновременного привлечения фактов, предлагаемых сторонниками различных подходов с целью реконструкции этногенеза чувашей, - с другой, позволяют говорить о гетерогенной природе этого этноса.

Второй раздел первой главы — *"Хронологические рамки возникновения чувашского этноса"* — посвящен определению времени появления чувашей на исторической арене в качестве самостоятельной этнокультурной системы.

В вопросе о периодизации истории чувашского этноса также нет единого мнения. По мнению Н.И. Егорова, который считает, что "в связи с консолидацией племен в единое централизованное государство, с одной стороны, и в связи с большой этноразличительной ролью, сыгранной мусульманством, впервые пришедшим в Волжскую Булгарию в X в., а с другой стороны, что самоназвание "чăваш", видимо, еще в домонгольский период стало приобретать этнонимическое значение", о чувашах как об этносе можно говорить, имея в виду рубеж XII - XIII вв.

В отличие от изложенного мнения Н.И. Егорова или даже в противовес ему, формирование чувашского этноса большинство ученых, как правило, связывает с ордынским игом, которое вызвало массовую миграцию населения Волжской Булгарии вверх по течению Волги в малодоступные лесные районы. Такую датировку, однако, автор не считает приемлемой. Естественнее было бы предположить, что ордынская экспансия лишь способствовала ускорению процесса консолидации этноса, а отнюдь не было его причиной. В то же время единодушие исследователей, представляющих различные подходы в трактовке проблемы этногенеза, позволяет говорить о XV - начале XVI в. как о завершающей стадии этапа зарождения и самоидентификации чувашского этноса. Причины же его возникновения, согласно мнению автора настоящей диссертации, следует искать в области религиозной.

Полученные в результате исследования выводы приводятся в третьем разделе первой главы и заключаются в следующем.

1. Поскольку процесс этногенеза - явление сложное и многоуровневое, постольку его характеристика не может ограничиваться анализом и описанием какого-либо одного из его элементов (антропогенетического, лингвистического и т. п.). Поэтому в ходе изучения этого процесса необходимо учитывать весь комплекс подобного рода факторов.

2. Чувашский этнос гетерогенен: иначе говоря, его происхождение не сводимо к какому-либо одному этносу-предшественнику.

3. Важнейшая роль в консолидации чувашского этноса принадлежит религиозному началу.

4. Точное определение хронологических рамок процесса этногенеза чувашей не представляется возможным. Однако, учитывая весь комплекс факторов, способствовавших протеканию этого процесса, а также принимая во внимание значение религиозного начала для этнокультурного становления чувашей, весь этногенетический процесс от зарождения до самоидентификации мы условно будем ограничивать X - XVI вв.

Во второй главе — "Религия — культуuroобразующая основа чувашского этноса" — иллюстрируется выдвинутый тезис об основополагающей роли религии в культуuroгенезе чувашского этноса и конкретизируется роль в этом процессе комплекса традиционных верований, мусульманства и православия.

Первый раздел второй главы — *"Характеристика чувашского язычества"* — призван показать, что комплекс дохристианских верований чувашей — одна из модификаций результатов универсального мифологического процесса, а его уникальность прежде всего заключается в той роли, которую он сыграл в процессе формирования 3f некультурной целостности чувашей.

С этой целью в первом подразделе описывается характер поклонения основным природным стихиям — огню, земле, воде. Как показывают приведенные факты, мифологический процесс шел не по пути функционального усложнения образов, но, напротив, — по пути дробления на более мелкие, что приводит автора к мысли о наличии, условно говоря, панотеистического мышления.

Во втором подразделе работы автор останавливается на указанной гипотезе более подробно, в теоретических построениях опираясь на схему мифологического процесса, предложенную В.С. Соловьевым, а также приводит факты, подтверждающие правомерность такого подхода к осмыслению материалов по этнорелигии чувашей. Результат проведенного анализа приводит к выводу о ней как об одной из модификаций политеистического сознания, возникшей в результате ассимиляции элементов мифологического процесса, имеющего своей фундаментальной причиной коллизии внеземного порядка. Чувашская культура рассматривается как одна из бесчисленных вариаций разнообразного этнокультурного ландшафта нашей планеты. Уникальность же роли этнорелигии чувашей заключается в том, что она стала идеологической основой для формирования этноса и его культуры.

Несмотря на непроясненность вопроса относительно самой структуры чувашского язычества, на основании существующих данных можно все же говорить о том, что чувашский пантеон был достаточно сложной многоступенчатой иерархической системой. Об этом свидетельствуют данные, приводимые в третьем подразделе второго раздела.

Во втором разделе второй главы — *"Роль ислама и христианства в становлении чувашской культуры"* — рассматривается дальнейший рост

чувашской культуры и характер влияния на нее со стороны ислама и православия.

Свое общенациональное влияние язычество начало терять после того как чуваша осознали себя самостоятельной этнической целостностью и сами стали называть себя *чăваш*. Ослабление этнообразующей роли язычества можно проследить поэтому именно по кардинально изменяющемуся в указанный период характеру влияния на чувашей мусульманства. Это влияние было достаточно сильным и хронологически непрерывным. С учетом этих двух факторов - выделения чувашей в самостоятельный этнос, ядром которого было язычество, и образования татарского этноса, идеологической основой которого стал ислам, а также изменения характера влияния мусульманства на чувашей, условно можно выделить два этапа, "водоразделом" между которыми можно считать XVI в.

Начиная приблизительно с XVI в. чуваша уже не столь бескомпромиссны в отношении ислама, как прежде. Напротив, они входят в тесный контакт с татарами, что, как правило, вело к смене этнической принадлежности. Своего кульминационного момента мусульманизация народов Поволжья, в том числе и чувашей, непрерывно продолжавшаяся на протяжении нескольких столетий, достигла в начале XX в.

Причин отатаривания чувашей, безусловно, несколько. Наиболее явная связана с географическим положением чувашского и татарского этносов, родством языков, стереотипов поведения и т. п. Кроме того, традиционно указывают на более последовательную миссионерскую политику мусульман, осуществляемую всеми слоями населения, а также на отсутствие у чувашей письменности. Существуют еще и глубинные причины, коренящиеся в особенностях формирования чувашской и татарской этнокультурных целостностей. Эти особенности связаны с той этноразличительной ролью, которую сыграл ислам.

Во втором подразделе рассматриваются результаты этого процесса.

Причиной, положившей начало постоянным контактам с носителями христианской веры, стало включение чувашей в середине XVI в. в состав российского государства. Вначале, по-видимому, не существовало продуманной политики по распространению православия среди вновь включенных в число подданных России, на что, безусловно, требовалось время.

С воцарением Петра I (1685 - 1725) наблюдается некоторое оживление в миссионерских делах. На государственном уровне постепенно складывалась система мероприятий, призванных привлечь инородцев в лоно православной церкви. Тем не менее о христианизации как о массовом явлении Н.В. Никольский считает возможным говорить лишь с середины XVIII в., со времени существования новокрещенской конторы (1740 - 1764).

По мнению Н.В. Никольского, в конце XVIII в. появляются признаки поворота чувашей в сторону христианства. В XIX в. происходит более широкое проникновение элементов православия в религиозные представления чувашей. Естественно, на первых порах заимствовалось внешнее, то, что в большей или

меньшей степени обнаруживало сходство с теми или иными сторонами прежнего религиозного опыта. Введение письменности и перевод на ее основе библейских текстов и вероучительных книг на чувашский язык способствовали ослаблению негативных тенденций. Возникла ситуация, когда параллельное существование "своей" и "чужой" веры стало перерастать в органический синтез, что открывало перспективу для реализации аккумулированного чувашской культурой духовного потенциала при условии сохранения ее как самостоятельной жизнеспособной единицы.

Все сказанное во второй главе приводит автора к следующим выводам, изложенным в ее третьем разделе.

1. Основным этнообразующим компонентом для чувашей стала система их дохристианских верований.

2. Чувашское язычество не есть целиком оригинальная религиозная система, но результат преломления общего мифологического процесса через конкретные исторические и этнокультурные условия. Особо следует отметить сложность и разработанность иерархической системы чувашского пантеона.

3. В результате самоидентификации чувашская культура претерпевает определенные изменения. Этот процесс сопровождался ослаблением влияния язычества и ростом влияния внешних факторов, проявивших себя через ислам и православие.

4. Ислам, как может показаться, имел достаточно преимуществ перед православием в расширении сферы влияния на соседей-язычников: родство языков; бытовых особенностей и стереотипов поведения, которые могли бы способствовать реализации возраставшего духовного потенциала чувашской культуры. Однако итогом исламизации становилась смена подавляющим большинством носителей чувашской культуры своей этнической принадлежности. Причину сложившейся ситуации можно усмотреть в том, что, во-первых, чувашская культура изначально была сориентирована на отделение, отгораживание от ислама; во-вторых, сравнительно легкое проникновение элементов чужой культуры способно погубить культуру-реципиента, поскольку для органического включения "чужих" элементов с последующим их безболезненным вживлением в свой организм и отторжения всего чуждого требуется достаточно продолжительный период времени.

5. Русское православие в силу затрудненности своего проникновения в чувашскую культуру, с одной стороны, а также благодаря наличию исторических и культурных особенностей, провоцировавших сближение двух этносов, - с другой, отвечало потребностям чувашской культуры и способствовало активизации происходивших в ней внутрикультурных процессов.

В третьей главе - *"Православие как основа становления нового типа ментальности (чувашская культура последней трети XIX - начала XX вв.)"* - освещается важнейший этап для становления чувашской культуры. Именно в конце XIX в. происходят кардинальные структурные изменения не только в культуре, но и в самом социуме. Характерной особенностью для этого этапа,

который является завершающей стадией для выделенного нами второго периода, следует признать то обстоятельство, что именно тогда стал складываться такой тип ментальное^{TM}, основу которого составляет православное миропонимание и который, несмотря на все перипетии XX в., остается культуuroобразующим и в настоящее время. Такое изменение стало возможным вследствие включения в культуросозидательную работу чувашского языка. Можно даже сказать, что формирование в результате такого включения его литературной формы, возникновение письменности, появление национальной интеллигенции, лучшие представители которой способствовали зарождению национальной идеи, говорят не просто и даже не столько о новом этапе, сколько о новом качественном уровне, достигнутом чувашской культурой в указанный период.⁴ Приобщение к православию в общекультурном смысле не было актом насильственным, но, напротив, фактором роста.

Однако для понимания изменений в чувашской культуре в этот период необходима характеристика некоторых важнейших в контексте настоящей диссертации сторон культуры-"донора", которые показаны в первом разделе третьей главы - *"Типологический аспект рецепции православия русской и чувашской культурой"*. Эти особенности таковы.

Во-первых, поскольку существуют общие характеристики в ситуации восприятия православия и чувашской и русской культурой, что связано с опосредованным (через другую, соответственно, русскую и византийскую культуры) восприятием христианского опыта, то, несмотря на различие историко-географической, социально-политической и хронологической ситуации между культурами в момент крещения народа, предпринята попытка сравнения в самом общем виде некоторых внешних и внутрикультурных условий рецепции христианского опыта.

Во-вторых, поскольку процесс проникновения православия в чувашскую культуру предполагает ориентированность культуры-"донора" на культуру-"реципиента", предпринята попытка выявления некоторых ее источников, для чего используются наблюдения евразийцев.

В-третьих, анализируются особенности русского миссионерства, так как в ходе исторического процесса характер проповеди православия нерусским народам претерпевал определенные изменения.

В-четвертых, автор касается развития мессианизма в русской культуре, которое в XIX в. происходило, условно говоря, в двух направлениях: религиозно-мистическом и социально-философском. Во-первых, это духовное течение, испытывавшее на себе влияние, с одной стороны, просветительских идей эпохи романтизма, но, с другой стороны, в своей основе опиравшееся на национальные традиции, что ярче всего проявилось в славянофильстве. Во-вторых, это интеллектуальное движение, выразителями которого были западники. Оно подверглось гораздо более сильному влиянию идей, пришедших с Запада, а потому стремительно секуляризовалось. Чувашская культура испытала на себе воздействие указанных направлений.

Во втором разделе третьей главы — • *"Интеллигенция как феномен чувашской культуры"* - рассматривается возможность трактовки интеллигенции как феномена национальной культуры с определением его особенностей, а также сам процесс формирования интеллигенции. Первоначально благодаря своей четко выраженной религиозно-мистической направленности мессианская идея проникла в чувашскую культуру в своем славянофильском варианте. Это влияние было весьма плодотворным и способствовало зарождению национальной идеи. Десакрализованный вариант мессианской идеи, проникший в чувашскую культуру к началу XX в., способствовал разрушению уже формировавшейся чувашской национальной идеи. Такая форма мессианской идеи обесмысливает ее, поскольку последняя зиждится на религиозно-культурном мессианизме, в который, по замечанию С.Н. Булгакова, с необходимостью отливается всякое зрелое национальное чувство.

Трагедия революционного поколения чувашской национальной интеллигенции показана на примере двух ярких личностей - лидера партии эсеров в Чувашии Г. Федорова (Алюнова) и национального поэта М. Сеспеля.

Итогом исследования третьей главы стали следующие выводы:

1. По отношению к чувашской культуре русская культура обладает положительной комплементарностью. Факты свидетельствуют в пользу глубокого проникновения православия в ее ткань, чему способствовал евразийский характер самой культуры-донора; деятельность православных миссионеров, а также специфика русской мессианской идеи.

2. Феномен чувашской интеллигенции - свидетельство роста чувашской культуры. Интеллигенция является органическим порождением культуры. Ей чужд изначально присущий русской культуре нигилизм и секуляризм, данный слой не противопоставляет себя остальной части этноса. В случае с чувашской культурой можно даже говорить о ее интеллигенции как о национальной элите, являющейся позитивным творческим меньшинством этноса.

3. Важнейшим итогом деятельности первого (яковлевского) поколения чувашской интеллигенции следует считать формирование чувашской национальной идеи.

4. Деятельность революционно настроенной интеллигенции приводит к разрыву с традициями национальной культуры.

5. Чувашскую культуру со второй половины XIX в. следует определять как православную, ибо литературный язык, став общенациональным средством коммуникации, оказывающим определяющую роль на национальный менталитет, формировался прежде всего благодаря переводам Библии, письменность также разрабатывалась под знаком потребности в переводах Священного Писания, а "новая вера", достаточно глубоко усваивавшаяся на основе переводов, породила в народной среде небывалый подъем, о чём, в частности, свидетельствует приложение, помещенное в конце настоящей работы.

В заключении подводятся итог проведенного исследования и намечаются перспективы дальнейшей разработки предлагаемой темы.

Основные результаты исследования отражены в следующих публикациях:

1. Знамение времени: Сеспель в контексте русской революции и чувашской культуры // Революция в художественном сознании XX века и поэзия Михаила Сеселя. - Чебоксары, 2003. - С. 81 - 91.

2. Истоки формирования чувашской национальной интеллигенции // И.Я. Яковлев и проблемы яковлевоведения. - Чебоксары, 2001. - С. 53 - 62.

3. Мессианские идеи И.Я. Яковлева и формирование чувашской национальной интеллигенции // И.Я. Яковлев и духовный мир современного многонационального общества: тезисы докладов международной научной конференции 24 апреля 1998 года. - Чебоксары. - Чебоксары, 1998. - С. 252 - 254.

4. Роль христианства в становлении культуры чувашского этноса // Русское православие: вехи истории.- Н. Новгород, 1998.- С. 333 - 341.

5. Русификация инородцев в контексте истории миссионерства в России // Пятое Вавиловские чтения: мировое сообщество и Россия на путях модернизации: материалы постоянно действующей всероссийской междисциплинарной научной конференции. Ч. 1. - Йошкар-Ола, 2001. - С. 221 - 222.